

5. Mackay H. New Connections, Familiar Settings : Issues in the Ethnographic Study of New Media Use at Home // Virtual Methods : Issues in Social Research on the Internet. Ed.by C. Hine. Berg, 2005. 129–140 с.

6. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: Книга XI). М. : Логос, 2004. 304 с.

7. Смирнов И. Хлам текстов (Мусор, эмоции и философия) // Логос. 1999. № 2 (12). С. 130–138.

8. Ахметова М. Интернет как корпус источников по фольклору и этнографии (региональный аспект) // Фольклор и этнография: К 90-летию со дня рождения КВ. Чистова : сб. науч. ст. / Отв. ред. А.К. Байбурин, ТБ. Щепанская. СПб. : МАЭ РАН, 2011. С. 302–311.

9. Бредникова О.Е., Ткач О.А. «Грязная деревня» и «Замусоренный город» (обыденные практики обращения с мусором в разных сообществах) // Антрополог. форум. 2008. №8. С. 338–352.

10. Кожаринова А.Р. Мусор как продукт культуры: от утилизации к эстетизации // Горизонты гуманитарного знания. 2017. №3. С. 99–104.

11. Rutter J., Smith G. Ethnographic Presence in a Nebulous Setting. Ed.by C. Hine. Berg, 2005. P. 81–92.

12. Галкина Ю. «Синдром постоянного нахождения онлайн»: Как смартфон и планшет поменяли жизнь горожан // The Village [Электронный ресурс]. 2014. Режим доступа: <https://www.the-village.ru/village/city/city-interview/165691-sotsissledovanie-pro-gorozhan-i-gadzhety>. Дата доступа: 05.05.2019.

13. Карп А. Выкинуть из головы // esquire.ru [Электронный ресурс]. 2010. Режим доступа: <https://esquire.ru/archive/1890-garbage>. Дата доступа: 05.05.2019.

И.В. Морозов (Минск, Беларусь)

СРЕДОВАЯ ПАРАДИГМА И ИНТЕНЦИИ АРТ-МЕНЕДЖМЕНТА

Кардинальные трансформации в картине мира последних поколений, весьма испытавших экологическую, глобализационную, общекультурную кризисную проблематику, дают основание констатировать становления новой парадигмы, которую можно назвать *средовой*. Она выросла из системотехнических представлений и исследований, ориентирующихся на раскрытие целостности объекта и на выявление многообразных типов связей, внутренних и внешних факторов системообеспечения. В результате констатируется, что в теории сложных систем важную роль играет понятие внешней среды, под которой подразумевается совокупность объектов, не являющихся элементами данной системы, но взаимодействие с которыми влияет на ее функционирование: система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой, являясь при этом ведущим активным компонентом взаимодействия [1].

При этом понимание среды принципиально не отличается от уже

устоявшейся трактовки ее в качестве «среды обитания» («окружающая среда», «среда жизнедеятельности») или с позиций характера жизнедеятельности («жилая среда», «производственная среда»).

Дальнейшее синергетическое исследование самоорганизующихся систем существенно изменили представления о таких категориях, как «внешний» и «внутренний», поскольку постоянно флуктуирующая (т.е. подвергающаяся воздействию окружающей среды) существенно трансформируется (см. И. Пригожин).

В этой связи актуализируются такие феномены как «средовое видение», «средовое мышление», которое преисполняет всю гума-нитарную и сферу. Так, философская рефлексия этого феномена выразилась в самых разных направлениях философской антропологии, «философии жизни», феноменологии, экзистенциализме. Актуально звучал и теологический концепт человека в контексте «божественной среды» [2].

В контексте средовой парадигмы институтом образования становятся вся среда жизнедеятельности, мировое информационное и культурное пространство, что знаменовало выход за рамки формирования у учащихся определенного объема знаний, универсальных способов деятельности и состоит в создании и модернизации образовательных сред. В важности их создания убеждал еще А.С. Макаренко с его принципом «параллельного действия», представляющим идею единства воспитания и общественной жизни, личности и коллектива. При этом личность трактуется в единстве с развитием не просто педагогического состава, но с особо организованной средой с взаимным влиянием ее компонентов, ведь «воспитывает не сам воспитатель, а среда» [3, с. 61].

Закономерно, однако, что наиболее выпукло, буквально наглядно, это наблюдалось в зодчестве, которое последовательно отказывалось от миссии «организации пространства» и переходило к утверждению «средового подхода» [4].

В результате «среда» перестала быть некоей метафорой, игрой профессионального дискурса, но стала объектом системного исследования и практических апробаций. Различные ветви западного постмодернизма, японского метаболизма акцентируют создание именно «жизненной среды», целостной, динамичной сферы, охватывающей все естественные и антропогенные составляющие нашего бытия. Понятие «архитектурная среда» достаточно быстро и прочно укореняется в архитектурной теории, а «средообразование» становится лейтмотивом дискуссии о проблемах архитектуры последних десятилетий. Сегодня практически не оспаривается, что будущее – за архитектурой целостной среды.

Так, «стиль» в современной архитектуре и градостроительстве понимается уже не с позиций ансамблевых критериев, но как «стиль

жизни», «стиль поведения». В их основе лежит не сторонне созерцание, не субъектно-объектные отношения, но переживание соучастия в некоем жизненном акте-событии. Субъект средового переживания синтезирует в себе качества, присущие индивиду и коллективному субъекту. Этот синтез осуществляется через понятие ролевого поведения. В определенной среде человек принимает на себя ту или иную роль, выбирая соответствующие декорации, аксессуары, маски из числа предлагаемых ему «режиссером» – проектировщиком и аранжировщиком среды. В выборе роли, в признании ее уместности здесь и теперь сливаются индивидуальные вкусы и пристрастия человека и коллективные требования, выражающиеся посредством данного средового окружения [5].

В этом случае и создается представление, образ среды, который принципиально отличается от эмоционального восприятия пространства, априори гомогенного, «безжизненного». В то время как средовой образ включает в себя и человека – и как зрителя, и как деятеля, его средства передвижения, моду, способы общения и бытовые привычки. Среда сама по себе заряжается образностью как необходимым следствием живого ее освоения, почему и роль архитектора обозначается как «enabler» – создатель возможностей, сподвижника сотворения не физического обезличенного, а индивидуально «осознаваемого пространства» [6]. Так как это есть «обжитое пространство», ойкумена, связанная не просто с продуктами жизнедеятельности и выживанием, но с переживанием и сочувствием. Не с типом и формой жизнедеятельности, но с образом жизни, экзистенцией, культурным кодом и феноменом творчества. И поскольку перечисленное не нечто ставшее и завершенное, то оно сродни потоку, которым представляется новый тип коммуникации, знаменующий трансформацию пространства-времени [7].

Понятно, что речь идет, главным образом, о ментальной, сугубо человеческой, знаково-символической трансформации, которая следует из средового мышления и восприятия. И она объясняет актуальный тип диалога, где среда в ее синергетическом понимании служит местом, очищенным от «призраков» объективности, где главным должно стать субъективное восприятие. Таким образом, из структуры диалога исключается вся рациональная аргументация, акцент делается на «чувстве разговора». А выводы по поводу конкретных позиций и анализ диалога должны делаться уже после события [8]. То есть речь опять-таки идет не о некоем физическом, формальном, гомогенном вместилище, но о феноменальной, лично переживаемой пространственно-временной, а главное – об очеловеченной одухотворенной среде. Она непременно подвигает диалог с также переживаемым временем в его синхронном и диахронном восприятии, в результате чего индивидуально осознается не

только хронометражность, текучесть, продолжительность среды-события, но и его предыстория, актуальность, перспективы в развитии, а также своевременность и современность в общем культурном контексте. Человеку присуще «умение видеть время, читать время в пространственном целом мира и... воспринимать наполнение пространства не как неподвижный фон... а как становящееся целое, как событие» [9, с. 142]. Отсюда развитие контекстуализма в зодческой теории и практике, когда каждое новое архитектурное событие оценивается с позиции соответствия его историко-культурной среде, где также доминирует феномен экзистенциальной «срединности» человека. Это стало еще более востребованным ныне, когда реально создаются пространства виртуальные, где собственно пространственные измерения и конкретности не имеют решающего значения.

Тем не менее, современный дискурс на эту тему изобилует разнохарактерными синонимами и эпитетами. Посему достаточно новое понятие «арт-пространство» в интернет-энциклопедической трактовке представляет собой «общедоступную территорию для свободного самовыражения творческой деятельности, целью которого является обеспечение средой, богатой возможностями для развития...» и «место, где должна быть создана максимально комфортная атмосфера для всех его жителей и посетителей». (Подчеркнуто мною – *И.М.*). В этом случае более адекватной представляется трактовка креативных пространств как «сообщества творчески ориентированных предпринимателей, которые взаимодействуют на замкнутой территории» [10]. Однако не трудно убедиться, что за всеми этими лингвистическими упражнениями, обнаруживается средовая парадигма, где «место» (этимологически – «наполнение») преисполнено наполненностью творческим участием человека. Посему насущна не просто экспликация понятий, но наполнение их адекватным смыслом. Это позволит более осмысленно, целенаправленно изучать, создавать, рефлексировать, трансформировать эти «арт-среды», «арткумены», «арт-хебитэты», «арт-локусы» «арт-плейсы» и пр. Тогда и сам арт-менеджер обретет ипостась, роль и ответственность демиурга, артинейблера, аттрактора (структурой-функцией, задающей устойчивое состояние синергетической системе). В этом и видится актуальная интенция арт-менеджмента.

Библиографические ссылки

1. *Садовский В.Н.* Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974. 235с.
2. *Шарден П.Т.* Феномен человека / предисл. Роже Гароди; пер. с фр. и

примеч. Н.А. Садовского. М. : Прогресс, 1965. 296 с.

3. *Макаренко А.С.* О воспитательной системе. М. : Директ-Медиа, 2014. 475 с.
4. *Середюк И.И.* Восприятие архитектурной среды. Львов : Вища школа. 1979. 202 с.
5. *Трушина Л.Е.* Эстетика среды // Материалы науч. конф. 20–21 октября 1999 г. Серия «Symposium»: Эстетика сегодня: состояние, перспективы. Вып. 1. СПб., 1999. С.84–86.
6. *Рассел Б.* Проблемы философии / пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск : Наука, 2001. 109 с.
7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ-ВШЭ, 2000. 402 с.
8. *Виль Р.* Диалог и философская рефлексия // Культура. Личность. Мысль. СПб., 1999. С. 23–56.
9. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. М. : Искусство, 1979. 432 с.
10. *Эванс-Причард Э.Э.* История антропологической мысли / пер. с англ. А.Л. Елфимова. М. : Восточная литература, 2003. 358 с.

А.Я. Сарна (Минск, Беларусь)

ГОРОДСКОЙ ШАМАН. ТЕХНОМИСТИЦИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье анализируются и систематизируются историко-культурные аспекты формирования и развития техномистицизма как современной цифровой идеологии на материале творчества таких авторов, как К. Беккер, Г.-Э. Дебор, Э. Дэвис и С. Маккуайр. Влияние теории новых медиа позволило выявить ключевые позиции и методы представителей ситуационизма и неоокультизма в качестве альтернативных способов освоения и преобразования городской среды.

Ключевые слова: *городская среда, новые медиа, техномистицизм, ситуационизм, неоокультизм.*

В современной цифровой культуре особое положение занимает техномистицизм как одно из концептуальных направлений, связанное с древнейшими мифопоэтическими и религиозно-философскими традициями на основе представлений о глубинном духовном единстве информационно-коммуникационных технологий и техники с человеком путем объединяющих их сверхъестественных сил. В рамках этого идейного направления считается, что современные информационные технологии и новые медиа (особенно компьютеры, интернет-сети и виртуальная реальность) позволяют выявить скрытые в человеке сверхчувственные способности, стимулируя видения, озарения, инсайты и даже, в более радикальной версии, – ясновидение, экстрасенсорику, левитацию и пр., в